

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г 0162-2086
042(02)-73 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла . . . . .
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

А. Д. Грач

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ И СЕМАНТИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТАМГООБРАЗНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГОРНОГО КОЗЛА

В 1891 г. участники Орхонской экспедиции Академии наук во главе с выдающимся тюркологом В. В. Радловым обнаружили на стелах в урочище Кошо-Цайдам тамгообразные фигуры горных козлов, высеченные на этих памятниках вместе с древнетюркскими и китайскими надписями¹. Эти памятники, ставшие впоследствии широко известными в мировой науке, были открыты в 1889 г. путешественником Н. М. Ядринцевым — неутомимым исследователем древностей Монголии. Вместе с другими крупными специалистами в исследовании вновь открытых памятников принял участие выдающийся русский востоковед П. М. Мелиоранский, работы которого, посвященные орхонским памятникам, по праву считаются классическими².

Стилизованные тамгообразные фигуры горных козлов были изучены экспедицией В. В. Радлова на памятниках принцу Кюль-тегину и его брату кагану Бильге, а также на ряде других объектов древнетюркского времени. В. В. Радловым было дано и первое определение тамгообразных изображений — он назвал их «ханской тамгой».

Со временем, по мере исследования наскальных изображений Центральной Азии, становилось все более очевидным, что тамгообразные изображения горных козлов «тиражированы» в древности гораздо более множественно, чем об этом можно было думать после открытия и публикации орхонских

---

¹ В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, СПб., 1892 («Труды Орхонской экспедиции»), вып. 1, табл. XVI.

² П. М. Мелиоранский, Об орхонских и енисейских надгробных памятниках, — ЖМНП, 1898, ч. СССXVII, № 6, стр. 263—292; его же, Памятник в честь Кюль-Тегина, — ЗВОРАО, 1899, т. XII, вып. II и III, стр. 1—144.

поминальных памятников. Оказалось, что масса изображений этого типа рассеяна среди комплексов петроглифов Центральной Азии. Впервые такие наскальные изображения были открыты в Монголии среди петроглифов на скалах Улан-Хада, обследованных еще Н. М. Ядринцевым³.

В течение прошедших с тех пор восьми десятилетий изображения эти не раз привлекали внимание исследователей. Тамгообразные изображения горных козлов были открыты на огромных по протяженности пространствах — от Монголии и Тувы на востоке до Памиро-Алая на западе. Была предпринята и разработка вопросов датировки и определения семантики тамгообразных изображений. Хотя в большинстве работ, где рассматриваются петроглифы данного круга, отождествление этих тамгообразных изображений горного козла обычно приписывается автору настоящей статьи, я должен указать, что первая догадка о сходстве изображений на скалах с тамгообразными изображениями на ряде орхонских памятников высказана не мною — этот момент был подмечен еще Г. И. Боровкой, исследовавшим в 1925 г. петроглифы в урочище Улан-Хада во время работ Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, в работах которой он принимал участие⁴. Однако сколько-нибудь детальная разработка этого вопроса с привлечением широких материалов, так же как расшифровка семантики, Г. И. Боровкой проведена не была. Впоследствии, в течение долгих десятилетий, должно-го внимания изображения этого типа не привлекали.

Одним из главных итогов наших разведывательных поисковых маршрутов, совершенных в Туве во время полевых сезонов 1953 и 1955 гг., явилось открытие многочисленных местонахождений древних наскальных изображений, в числе которых фигуры горных козлов рассматриваемого типа занимали одно из преобладающих по численности мест⁵.

В процессе обработки материалов, их исследования и публикации нами были достигнуты следующие результаты:

Документально подтверждена совершенная аналогичность

³ В. В. Радлов, Атлас древностей Монголии, табл. IV, 4.

⁴ Г. И. Боровка, Археологическое обследование среднего течения р. Толы, — сб. «Северная Монголия». Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, проведенных в 1925 г., Л., 1927, стр. 80 и сл., рис. 11.

⁵ А. Д. Грач, Археологические исследования в Западной Туве, — КСИЭ, вып. XXIII, стр. 26—31, рис. 7; его же, Петроглифы Тувы, I (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции), — Сб. МАЭ, т. XVII, М.—Л., 1957, стр. 385—428, табл. в приложениях I—XXXII; его же, Петроглифы Тувы, II (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.), — Сб. МАЭ, т. XVIII, М.—Л., 1958, стр. 339—384, табл. в приложениях I—LXIV.

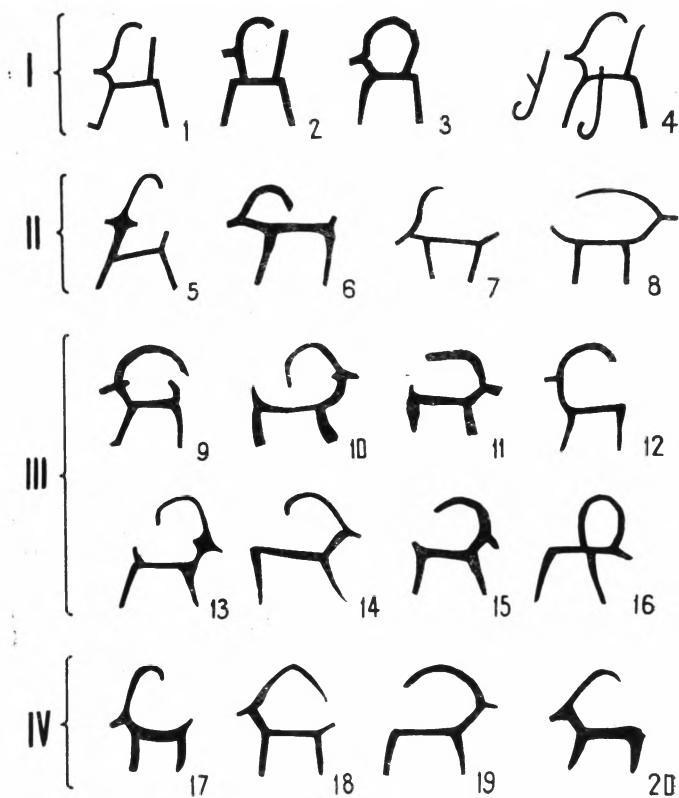

Рис. 1. Сравнительная таблица тамгообразных изображений горного козла (древнетюркское время): I — каганские тамги (Монголия); II—IV — петроглифы: II — Монголия, III — Тува, IV — Казахстан; 1 — памятник в честь Кюль-тегина, Орхон; 2 — каменное изваяние, Орхон (по В. В. Радлову); 3 — плита в Асхете (по В. В. Радлову); 4 — стела с надписями, Онгин (по В. В. Радлову); 5 — Улан-Хада (по Г. И. Боровке); 6 — Тебчи (по В. Е. Ларичеву); 7—8 — Цаган-Гол (по И. Г. Гранэ); 9 — Чуруктуг-Кырлан; 10 — Овюр IX; 11 — Чуруктуг-Кырлан; 12 — стела, Булун; 13 — Овюр V; 14 — Овюр XII; 15 — Теве-Хая; 16 — Чурук-Милдыг-Хая (материалы А. Д. Грача); 17—20 — Чулакские горы (по П. И. Мариковскому)

наскальных тамгообразных изображений горного козла с изображениями на стелах и изваяниях орхонских тюрков. При этом было зафиксировано, что помимо наскальных комплексов изображения эти фигурируют не только на памятниках бассейна Орхона, но и на аналогичных памятниках Тувы — на каменных изваяниях и камнях-балбалах⁶, на поминальных стелах, установленных возле древнейших тюркских погребений с сожжением⁷. Все это дает более чем надежные основания для датировки рассматриваемых изображений древнетюркским временем.

Факт, чрезвычайно существенный для определения относительной хронологии петроглифов, был зафиксирован при исследовании наскальных изображений пункта Овюр IV (Южная Тува, долина р. Хорумнуг-Ой). Здесь обнаружено изображение горного козла, относящееся к скифскому времени и перекрытое тамгообразным изображением горного козла типа Чуруктуг-Кырлан⁸. Более древнее изображение скифского времени копирует изделия прикладного искусства типа бронзовой бляхи, обнаруженной А. Н. Бернштамом при раскопках высокогорного могильника сакского времени Тамды на Памире⁹, — животное изображено скачущим, ноги сомкнуты в прыжке (автор раскопок датировал могильник Тамды V—IV вв. до н. э.¹⁰, фигурка горного козла найдена в кургане 10 среди остатков кожного колчана¹¹).

При рассмотрении проблемы датировки древнетюркских петроглифов большой интерес представляет предмет, обнаруженный Л. Р. Кызласовым на раскопках городища Ак-Бешим в Киргизии (общий хронологический диапазон раскопанных памятников — V—X вв. н. э.). В разделе своей работы, посвященном находкам и сооружениям, относящимся ко времени после разрушения храма, Л. Р. Кызласов публикует гальку, на которой в числе прочих изображений нанесена

⁶ А. Д. Грач, Древнетюркские изваяния Тувы (По материалам исследований 1953—1960 гг.), М., 1961, стр. 42, 45, 47, 48, табл. II, 38, 48.

⁷ А. Д. Грач, Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии, — «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 207—213, рис. 1, 3; его же, Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 190.

⁸ А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, II, стр. 382, табл. XXVI, 2.

⁹ А. Н. Бернштам, Саки Памира, — ВДИ, 1956, № 1, стр. 121—134, рис. 5; его же, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.—Л., 1952 (МИА, № 26), стр. 296, рис. 125, 5, 139. (Могильнику Тамды А. Н. Бернштамом было присвоено также наименование Памирская I.)

¹⁰ А. Н. Бернштам, Саки Памира, стр. 125, 131.

¹¹ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки, стр. 296.

тамгообразная фигура горного козла¹². Л. Р. Кызласов указывает, что изображения на гальке являются «характерной для тюркских писаниц сцен: погоня собаки за горным козлом. О том, что храм разрушили кочевники тюркского происхождения, которые затем стали жить в нем, говорят помимо этой писаницы многочисленные находки (относящиеся к слою пребывания их в этом здании) предметов кочевнического обихода, характерных для тюрков...»¹³ (далее следует перечисление предметов действительно тюркского инвентаря — пряжки, серьги, бляшки и наременные наконечники наборных поясов, бляхи с сердцевидной прорезью, части сбруйных наборов, наконечники стрел, панцирные пластины, ножи, оселки)¹⁴. Со своей стороны мне остается только подтвердить принадлежность изображения горного козла на гальке из Ак-Бешима к древнетюркскому времени и соответственно правильность датировки, данной в свое время этому предмету руководителем раскопок Л. Р. Кызласовым. Кстати сказать, сцены охоты с собакой на горного козла действительно характерны для петроглифов древнетюркского времени — это было в свое время констатировано нами при опубликовании и интерпретации петроглифов Центральной Азии (например, Монгун-Тайга — пункт Кара-Моозага, Овюр — пункты в Хандагайтинской котловине).

Были определены стилистические особенности древнетюркских изображений горных козлов: фигуры выбиты на скалах полосками одинаковой в общем толщины и детали тел животных (туловище, ноги, морда, рога) показаны соответственно одинаковой толщины; фигуры горных козлов даны в полный профиль и демонстрируют животных скачущими или стоящими¹⁵. По месту обнаружения первой наиболее многочисленной к тому времени группы эти петроглифы получили наименование изображений типа Чуруктуг-Кырлан.

В основных чертах удалось расшифровать общую семантику тамгообразных изображений горного козла. Особую роль при этом сыграл анализ изображений на памятниках в честь кагана орхонских тюрков Бильге и его брата — знаменитого полководца Кюль-тегина.

---

¹² Л. Р. Кызласов, Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг., — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», М., 1959, т. II, стр. 215, рис. 44, 5.

¹³ Там же, стр. 215.

¹⁴ Там же, стр. 215 и сл.

¹⁵ А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, I, стр. 390; Д. Г. Савинов, Вопросы изучения петроглифов древнетюркского времени Центральной и Средней Азии, — «Тюркологическая конференция в Ленинграде. Филология и история тюркских народов (тезисы докладов)», Л., 1967, стр. 69.

Бильге-каган и Кюль-тегин — племянники кагана Мочжо (Капаган-кагана), погибшего в борьбе с племенем байырку в 716 г. В ходе жестокой борьбы за престол, которая разыгралась после гибели Мочжо, Кюль-тегин сыграл главную роль — ему удалось уничтожить всех сыновей погибшего кагана, в том числе и законного наследника престола — старшего сына Мочжо. Были убиты и все сановники Мочжо, за исключением «премудрого» Тоньюкука — знаменитого государственного деятеля каганата восточных тюрков. Одно из весьма любопытных обстоятельств заключается в том, что сам Кюль-тегин, успешно завершив борьбу за престол, не принял каганской власти, а возвел на престол своего старшего брата Бильге. За Кюль-тегином остались, однако, должность главнокомандующего тюркских войск и сан восточного Чжун-князя¹⁶.

После смерти Кюль-тегина в 731 г. Бильге-каган похоронил его как кагана. Об этом свидетельствуют данные письменных источников — китайский император Сюань-цзун отправил на Орхон для участия в похоронах и для выражения соболезнования сокрушавшемуся по брату кагану Бильге специальную депутацию во главе с военачальником Чжан Кюй-и и сановником Люй Сяном. В составе депутации прибыли в каганскую ставку скульпторы и художники, которые должны были высечь надпись на стеле, поставить статую покойного, соорудить храм и расписать его стены батальными сценами в память о выдающемся тюркском полководце¹⁷.

Наряду с письменными источниками о «каганской» пышности похорон свидетельствуют и археологические данные: сравнение масштабов раскопанного чехословацко-монгольской экспедицией в 1957 г. комплекса Кюль-тегина¹⁸ с расположен-

¹⁶ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 273—274; Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Tu-küe), I, Wiesbaden, 1958, стр. 171; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 37—41.

¹⁷ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, т. I, стр. 276—277.

¹⁸ L. Jisl, Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kül-Tegin Denkmals durch die Tschechoslowakisch-mongolische Expedition des Jahres 1958,— UAJ, 1960, Bd XXXII, H. 1—2; его же, Archeologické památky v Mongolske lidové republice,— «Archeologické rozhledy», ročník XIII, Praha, 1961, стр. 56, 73; его же, Proni československo-mongolská archeologická expedice,— «Nový Orient», ročník XIX, Praha; его же, Výzkum Külteginova památníku v Mongolské lidové republice (1958),— «Archeologické rozhledy», ročník XII, 1960, № 1, стр. 86—115; его же, Kül-Tegin anıtında 1958'de yapılan arkeoloji araştırmalarının sonuçları,— «Belleten», с. XXVII, № 107, Ankara, 1963, стр. 387—410; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 55—65.

ным неподалеку погребальным комплексом самого Бильге (он умер тремя годами позже брата — в 734 г.) показывает их совершенную идентичность — обследование обоих комплексов мы имели возможность провести в 1968 г.¹⁹.

В пределах обоих комплексов в 1889 г. были обнаружены стелы с надписями в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, по форме также идентичные друг другу²⁰. Стелы эти увенчаны пятиугольными фигурными щитами, на одной стороне которых имена погребенных, нанесенные иероглифами, на другой — тамгообразные фигуры горных козлов, являющиеся как бы заменой имени кагана и приравненного к нему лица (в этой связи уместно еще раз подчеркнуть идентичность погребальных комплексов обоих братьев). В свое время мне уже доводилось обращать внимание на то, что объяснение этому следует искать в специфике взаимоотношений двух братьев: уважение Бильге к Кюль-тегину, подчеркивание этим того непреложного факта, что властью своею Бильге был обязан именно своему младшему брату. Сходство тамгообразных изображений на стелах, со своей стороны, еще раз подтверждает это²¹.

Итак, тамгообразные изображения на стелах — символ каганский, символ власти.

Мы уже упоминали о том, что изображения тамг в виде горных козлов были открыты и на других древнетюркских памятниках Монголии и Тувы. Прежде всего — это фигуры горных козлов на Асхетской плите, на стеле и каменном изваянии, обследованных Орхонской экспедицией В. В. Радлова. Особого внимания заслуживает комплекс раннетюркских погребений с трупосожжением, обнаруженный и исследованный у северной границы котловины Больших озер Монголии — в Овюрском районе Тувы — в долине Хачы-Хову. Вверху одна из стел этого комплекса, являющегося гораздо более скромным, «провинциальным» повторением пышного ритуала знатнейших тюрков, погребенных в Северной Монголии, тоже имеет тамгообразное изображение горного козла. Существенным для датировки и интерпретации тамгообразных изображений этого круга является и то, что их неоднократно находили на древнетюркских каменных изваяниях и камнях-балбалах в Туве (долины рек Орта-Халыын и Ула-тай), которая наряду с Монголией и Алтаем являлась одной из основных территорий тюркского мира.

¹⁹ В обследовании принимали участие археологи Д. Наваан (Академия наук МНР) и В. А. Ранов (СССР).

²⁰ П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 3.

²¹ А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, I, стр. 409—410.

В определении семантики изображений рассматриваемого типа одна из наиболее удачных формулировок принадлежит, несомненно, Д. Г. Савинову, который в этой связи писал: «Специфическую смысловую нагрузку несут схематические изображения козлов типа Чуруктуг-Кырлан, названные так по месту своего первоначального нахождения в Туве. На стелах тюркских каганов... они выступают в роли каганских тамг, то есть являются символами их власти, что по смыслу тождественно символу каганата вообще. Поэтому схематические изображения козлов можно в значительной степени определить как памятник политического характера, которым наносивший его человек подчеркивал свою принадлежность к данному политическому объединению»²².

Материалы по древнетюркским изображениям на различных территориях были рассмотрены и сопоставлены (рис. 1). При этом было установлено, что ареал изображений охватывал территории Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана, Восточного Туркестана и Ферганы, т. е. практически все земли, где расселились древнетюркские племена. Оказалось возможным констатировать, что петроглифы могут быть важным источником для исследования этногенетических процессов и истории культурных связей. Это обусловливается прежде всего тем, что в отличие от вещевого инвентаря, обычно являющегося одним из главных объектов археологических исследований, объекты наскального искусства не могли быть сами по себе перемещены с места на место и переданы из рук в руки. Совершенное совпадение объектов наскального искусства на удаленных друг от друга территориях является документальным свидетельством перемещений этнических групп, оставивших наскальные изображения. Исходя из этого, мы вправе сделать вывод: древнетюркские тамгообразные петроглифы, изображавшие горного козла,— это как бы сигнальные вехи, отражавшие ареал и зону передвижения племен, входивших в состав каганатов орхоно-алтайских тюрков²³.

Разработанная нами в свое время хронология и предположенная интерпретация семантики тамгообразных изображений горных козлов типа Чуруктуг-Кырлан получила самую широкую поддержку исследователей, занимавшихся этим кру-

²² Д. Г. Савинов, Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири. (Некоторые общие вопросы изучения),— «Вестник ЛГУ», № 20 (серия истории, языка и литературы), Л., 1964, вып. 4, стр. 143.

²³ А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, II, стр. 383; см. также: «Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции»,— Фрунзе, 1959, т. III, стр. 121—124; В. А. Ранов, Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир),— «Изв. Отд. общественных наук АН ТаджССР», Душанбе, 1960, вып. 1 (22), стр. 39—40.

гом изображений,— В. А. Ранова²⁴, А. Г. Максимовой²⁵, Д. Доржа²⁶, С. И. Вайнштейна²⁷, Д. Г. Савинова²⁸, А. А. Формозова²⁹, И. А. Батманова и З. Б. Арагачи³⁰, С. Г. Кляшторного³¹, В. Е. Ларичева³². В устных выступлениях на различных заседаниях данная концепция была поддержана А. Н. Бернштамом, М. П. Грязновым, Я. А. Шером, С. С. Черниковым и другими исследователями.

Разделял нашу точку зрения и Л. Р. Кызласов³³, который впоследствии, впрочем, сделал вывод, что «не может считаться решенным вопрос об отнесении каких-либо известных в Туве писаниц к VI—VIII вв., хотя они безусловно были»³⁴. Безоговорочно разделял нашу точку зрения и М. Х. Маннай-оол³⁵, однако недавно он без каких-либо упоминаний о пред-

²⁴ В. А. Ранов, Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир), стр. 26—27; его же, Новые наскальные изображения в Кураминском хребте,— «Искусство таджикского народа», вып. II, Сталинабад, 1960 («Труды Института истории АН ТаджССР», т. XXIX), стр. 125 и сл.

²⁵ А. Г. Максимова, Наскальные изображения ущелья Тамгалы,— «Вестник АН КазССР», 1958, № 9 (162), стр. 110.

²⁶ Д. Дорж, К истории изучения наскальных изображений Монголии,— «Монгольский археологический сборник», М., 1962, стр. 50, 53—54.

²⁷ С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.— УЗТНИИЯЛИ, 1958, вып. VI, стр. 226.

²⁸ Д. Г. Савинов, Наскальные изображения Центральной Азии в Южной Сибири, стр. 143—145; его же, Вопросы изучения петроглифов древнетюркского времени Центральной и Средней Азии, стр. 69—70.

²⁹ А. А. Формозов, Очерки по первобытному искусству (Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР), М., 1969, стр. 76.

³⁰ И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисеика, Фрунзе, 1962, стр. 26.

³¹ С. Г. Кляшторный, Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна.— Труды Саяно-Тувинской археологической экспедиции Академии наук СССР, т. I (в печати). См. также: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, стр. 60.

³² В. Е. Ларичев, Азия далекая и таинственная (Очерки путешествия за древностями по Монголии), Новосибирск, 1968, стр. 255 и сл.

³³ Л. Р. Кызласов, О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня,— «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», Фрунзе, 1959, т. III, стр. 108. Говоря о проникновении орхоно-алтайских тюрок на территорию Киргизии, Л. Р. Кызласов в числе других свидетельств упомянул «сходство тамгообразных знаков писаниц Центральной Азии и Тянь-Шаня, относящихся к VI—VIII векам».

³⁴ Л. Р. Кызласов, Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.),— «Вестник МГУ», серия IX (исторические науки), 1960, № 1, стр. 69.

³⁵ В своей брошюре, изданной в 1964 г. в Кызыле на двух языках — тувинском и русском, М. Х. Маннай-оол писал: «К VI—VIII вв. относятся тамгообразные схематические изображения горных козлов... В древнетюркское время изображения тамг — родовых знаков, аналогичных нанесенным на скалах, встречаются также на стелах с орхоно-енисейскими надписями».

шествующих своих печатных высказываниях полностью изменил свою позицию и выступил с гипотезой о датировке этих изображений скифским временем³⁶.

Вопрос о хронологии древнетюркских тамгообразных изображений горных козлов представляется вопросом принципиального значения, ибо речь идет о памятниках, документально отражающих ареал расселения племен, входивших в состав каганата тугю и являвшихся прямыми предками современных тюркоязычных народов — тувинцев, алтайцев, казахов, киргизов, туркмен и др. Ввиду несомненной важности вопроса о датировке и интерпретации изображений горного козла на позиции М. Х. Маннай-оола необходимо остановиться особо.

Нельзя признать справедливым замечание М. Х. Маннай-оола о том, что «наскальные изображения до недавнего прошлого оставались вне поля зрения ученых-археологов»³⁷. В дополнение к уже приведенным данным укажем, что первые сведения о наскальных изображениях Тувы были получены еще А. В. Адриановым во время работ 1881 г.³⁸ В начале 40-х годов XX в. наскальные изображения изучала экспедиция Тувинского республиканского музея под руководством Н. М. Богатырева и Т. О. Данзын-оола³⁹. Наскальные изображения изучались и экспедицией Государственного исторического музея и ИИМК АН СССР под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой⁴⁰.

«Датировка А. Д. Грача, — указывает М. Х. Маннай-оол, — базируется на стилистическом сходстве изображений горных козлов с древнетюркскими каганскими знаками-тамгами и на сопоставлении их с этнографически известными рисунка-

См.: М. Х. Маннай-оол, Археологические памятники Тувы, Кызыл, 1964, стр. 33. Ср.: М. Х. Маннай-оол, Тываның археологтуг тураскаалдары, Кызыл, 1964, стр. 34 (в последней работе также приводится дата — VI—VIII вв. н. э.).

³⁶ М. Х. Маннай-оол, Древнее изображение горного козла в Туве, — СА, 1967, № 1, стр. 140—146. Указанная статья М. Х. Маннай-оола текстуально воспроизведена в его работе: «Тува в скифское время (уюкская культура)», М., 1970, стр. 23—39. В дальнейшем все ссылки даются на первую публикацию.

³⁷ М. Х. Маннай-оол, Древнее изображение горного козла в Туве, стр. 140.

³⁸ А. В. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г., — «ЗРГО по общей географии», СПб., 1886, т. II, стр. 423—428, табл. IX, 15—23.

³⁹ Н. Богатырев, О тувинских памятниках древности, — «Под знаменем Ленина — Сталина» (политико-экономический журнал Центрального Комитета Тувинской Народно-Революционной партии), Кызыл, 1942, 2, ноябрь.

⁴⁰ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, — КСИИМК, 1949, вып. XXVI, стр. 189.

ми на шаманских бубнах у народов Южной Сибири. Недостаточная обоснованность датировки, построенной только на сравнительно-этнологическом анализе, очевидна»⁴¹. Между тем всякий, кто обратится к моим работам, посвященным изучению петроглифов, может воочию убедиться, что там, разумеется, нет и следа попыток датировать древние наскальные изображения на основании рисунков XIX—начала XX в. Этнографические материалы были привлечены по возможности широко, но совершенно для другой цели — для установления древних корней поздних шаманских действий, для раскрытия глубокой традиционности поздних представлений, связанных с тотемизмом.

Отвергая предложенную нами датировку и классификацию, М. Х. Маннай-оол пишет: «Многочисленные изображения горных козлов, относящиеся, как будет показано ниже, к VII—I вв. до н. э., искусственно отчленены от единого комплекса и ошибочно выделены А. Д. Грачом в особую хронологическую группу, датируемую им древнетюркским временем (VI—VIII вв. н. э.)»⁴².

Попробуем разобраться в том, насколько удалась М. Х. Маннай-оолу попытка передатировки и действительно ли ошибочна разработанная мною датировка. Обратимся непосредственно к материалу.

В качестве одного из аргументов в пользу того, что тамгообразные фигуры горных козлов относятся к VII—I вв. до н. э. (кстати, странно, почему берутся именно эти хронологические рамки, а не VII—III вв. до н. э. — общепринятые временные границы скифской эпохи)⁴³, М. Х. Маннай-оолом были привлечены изображения, обнаруженные А. Н. Липским на угловом камне тагарского кургана, исследованного близ улуса Райкова⁴⁴. Но ведь нельзя забывать, что, во-первых, подобные изображения вовсе не типичны для изображений, встречаемых на плитах тагарских курганов, а во-вторых, и это самое главное, изображение находилось не под землей, а на открытой поверхности камня, и, таким образом (если учесть отмеченную нетипичность для тагарской эпохи рассматриваемого изображения), курганный комплекс дает

⁴¹ М. Х. Маннай-оол, Древнее изображение горного козла в Туве, стр. 141.

⁴² Там же, стр. 141.

⁴³ В одном из разделов своей работы М. Х. Маннай-оол приписывает и мне признание этих неверных хронологических рамок скифского времени (см.: М. Х. Маннай-оол, Древнее изображение горного козла в Туве, стр. 141). Ни в одной из моих работ подобных дат, разумеется, нет.

⁴⁴ А. Н. Липский, Археологические раскопки в Хакассии, — КСИИМК, 1956, вып. 64, стр. 120—123, рис. 52, II; 53, 9.

лишь дату, раньше которой изображения не могли быть нанесены, и только. Они могли быть нанесены на открытую поверхность камня и в более позднюю историческую эпоху.

Изображения на стеле тагарского кургана, исследованного А. Н. Липским, скорее всего относятся к эпохе подчинения енисейских кыргызов центральноазиатским тюркам — гегемония центральноазиатских тюрков продолжалась применительно к Среднему Енисею до начала IX в.; в Минусинской котловине находились гарнизоны орхоно-алтайских тюрков, оставившие погребения по обряду ингумации (в том числе и трупоположение с конем)⁴⁵, резко отличающиеся от погребений аборигенов края — енисейских кыргызов, у которых было распространено трупосожжение.

Что касается изображений на камнях сакских комплексов Бесшатыра⁴⁶, также привлекаемых М. Х. Маннай-оолом, то они не имеют к рассматриваемому вопросу никакого отношения, так как совершенно отличаются по стилю.

М. Х. Маннай-оол, к сожалению, оставил без внимания другие широко известные факты, свидетельствующие против предлагаемой им датировки. Как уже указывалось выше, тамгообразные фигуры горных козлов были открыты на древнетюркских каменных изваяниях и камнях-балбалах не только на Орхоне, а и в самой Туве (данные эти давно опубликованы). Может быть, эти изображения тоже относятся к скифскому времени? Такое предположение было бы поистине невероятным.

М. Х. Маннай-оол настоятельно указывает на тотемистические корни семантики наскальных изображений. Но уже более десяти лет назад в работе «Петроглифы Тувы, I», т. е. в работе именно того автора, выводы которого М. Х. Маннай-оол отверг столь сурово и безоговорочно, говорилось: «Вряд ли можно отрицать тотемистические истоки возникновения древнейших корней тамгообразных изображений горных коз-

⁴⁵ С. А. Теплоухов, Опыт классификации металлических культур Минусинской котловины, — «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 56; Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов-хакасов, Абакан, 1948, стр. 60—67, рис. 112—115; С. В. Киселев, Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., — «Ежегодник Минусинского музея», 1929, стр. 146—147; В. П. Левашова, Два могильника кыргыз-хакасов, — «Материалы и исследования по археологии Сибири», т. I, М., 1952 (МИА, № 24), стр. 121, 129—136; А. Д. Грач, Хронологические и этно-культурные границы древнетюркского времени, стр. 191.

⁴⁶ К. А. Акишев, Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.), — в кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963, стр. 74, рис. 66.

лов, в таком изобилии встреченных среди памятников Центральной Азии (что касается стилистических истоков изображений этого типа, то их можно хорошо проследить среди весьма многочисленных серий металлических предметов тагарского времени; рис. 19)⁴⁷. Более того, в доказательство этих слов на упомянутом в тексте рис. 19 была со ссылкой на С. В. Киселева приведена прорисовка навершия боевого тагарского значка, которая потом, под № 1, перекопирована в сравнительную таблицу, приводимую в статье М. Х. Маннай-оола. В тексте статьи М. Х. Маннай-оола мы не находим никакого упоминания о том, что этот предмет уже был использован в связи с вопросом о наскальных изображениях горного козла в Туве.

Продолжая рассмотрение этих вопросов в очередной публикации — в работе «Петроглифы Тувы, II», мы пришли к выводу: «Новые материалы позволяют проследить историю формирования стиля древнетюркских фигур „типа Чуруктуг-Кырлан“ — от наиболее ранних образцов, уходящих своими корнями в традиции прикладного искусства тагарского времени (теперь, в свете новейших открытий, я добавил бы — и в традиции прикладного искусства Тувы скифского времени. — А. Г.), до орхонских каганских тамг»⁴⁸.

На тотемистические истоки, лежащие в основе представлений, породивших создание древних наскальных изображений, обращали внимание еще Н. В. Кюнер⁴⁹ и Л. П. Потапов⁵⁰. Проблема тотемистических представлений и их отражения в памятниках наскального искусства была рассмотрена и автором настоящей статьи⁵¹. Опираясь на материалы и наблюдения таких этнографов, как Г. Н. Потанин, Г. Н. Анохин, Ф. Кон, Л. П. Потапов, С. В. Иванов, а также на собственные этнографические наблюдения, мы попытались проследить и обобщить традиции наскальных изображений в современных этнографических сюжетах. Оказалось, что нити этих традиций ведут из времен глубокой древности в искусство почти современных нам тувинцев и алтайцев (южных — алтайкижи, а также северных). Определилось при этом и то, что достоверных параллелей с искусством хакасов не обнаруживается. Этнографические данные являются весьма ценным материалом для расшифровки идеологических представлений,

⁴⁷ А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, I, стр. 414, рис. 19.

⁴⁸ А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, II, стр. 382.

⁴⁹ Н. В. Кюнер, Монгольское искусство, — БСЭ, т. 40, М., 1938, стр. 95.

⁵⁰ Л. П. Потапов, Следы тотемистических представлений у алтайцев, — СЭ, 1935, № 4—5, стр. 132—152.

⁵¹ А. Д. Грач, Петроглифы Тувы, I, стр. 419—426

связанных с наскальными изображениями, однако ценность этих данных для указанной исследовательской цели определяется непременным условием — генетической и территориальной связью народов древних и современных.

Не будучи в состоянии отрицать совершенную аналогичность тамгообразных изображений горного козла на каганских стелах и среди петроглифов, М. Х. Маннай-оол делает следующую реконструкцию: «Тотемистические представления в древнетюркское время были безусловно сильны и устойчивы. Поэтому древнетюркские каганы не случайно среди окружавших их многочисленных наскальных изображений уюкского времени выбрали в качестве своих тамг древнее изображение горного козла»⁵². Сомнительность такой реконструкции более чем очевидна — выбор в качестве тотема чужого символа и столь углубленное рассмотрение каганами наскального искусства представляются совершенно невероятными. Что же касается живучести тотемистических представлений, то, как выше указывалось, об этом стало известно уже достаточно давно.

Следует в этой связи напомнить мнение А. А. Формозова, который недавно указал, что приводимый в статье М. Х. Маннай-оола «материал говорит о том, что силуэты козлов условно высекали на скалах в середине и во второй половине I тысячелетия до н. э., но все же не о том, что их делали только в то время. Тюркские тамги в виде горного козла, вырезанные на стеле Кюль-тегина и других подобных памятниках, сбрасывать со счета не приходится»⁵³.

Стремясь все же как-то отделить тамгообразные каганские изображения на Орхоне от аналогичных им наскальных изображений Монголии и Тувы, М. Х. Маннай-оол утверждает, что в отличие от наскальных рисунков изображения на памятниках каганам выполнены резной техникой, а наскальные — техникой точечной⁵⁴. Это неверно — изображения на скалах часто выполнены техникой комбинированной — выбойной с резной подправкой. Что же касается орхонских изображений, то комбинированность техники несомненна — в этом я имел возможность убедиться и лично, обследуя эти памятники во время археологической поездки по Монголии, совершенной весной 1968 г.

Ни на чем не основано и утверждение М. Х. Маннай-оола,

⁵² М. Х. Маннай-оол, Древнее изображение горного козла в Туве, стр. 143.

⁵³ А. А. Формозов, Очерки по первобытному искусству, стр. 716.

⁵⁴ М. Х. Маннай-оол, Древнее изображение горного козла в Туве, стр. 143.

Рис. 2. Таблица М. Х. Маннай-оола (СА, 1967, № 1): 1, 2 — бронзовый боевой значок и ключец тагарской эпохи из Минусинской котловины (по С. В. Киселеву); 3 — изображения на угловом камне оградки раннетагарского кургана (по А. Н. Липскому); 4 — ручка бронзового тагарского котла из Минусинской котловины (по Э. Р. Рыгдылому и П. П. Хороших); 5 — каменная подвеска-печатка из погребения около рубежа нашей эры в Таджикистане (по Б. А. Литвинскому); 6 — сосуд с изображением козла из кургана, датированного второй половиной I тысячелетия до н. э., в Таджикистане (по А. Н. Зелинскому); 7—12 — изображения на шаманских бубнах и бытовых предметах тувинцев и алтайцев (по С. В. Иванову); 13—21 — наскальные рисунки Тувы (по А. Д. Грачу); 22—27 — наскальные рисунки Киргизии VII—I вв. до н. э. (по А. Н. Бернштаму); 28—37 — наскальные рисунки Казахстана VII—I вв. до н. э. (по Л. Р. Кызласову); 38—42 — наскальные рисунки Монголии (по Г. И. Боровке)

что «все эти сильно стилизованные изображения животных, как оленей, так и козлов, выбиты на скалах точечной техникой в манере скифо-сибирского звериного стиля, который является основным сюжетом изобразительного искусства племен, живших в степных районах Евразии в VII—I вв. до н. э.»⁵⁵. Относительно «точечной» техники уже сказано выше, что же касается стилистических особенностей изображений горных козлов, то достаточно одного взгляда хотя бы на таблицу, представленную в статье М. Х. Маннай-оола, чтобы убедиться в том, что тамгообразные изображения горных козлов не имеют к скифо-сибирскому стилю ровным счетом никакого отношения (отметим попутно, что общепринятая датировка произведений скифо-сибирского стиля, так же как и границы скифского времени, — VII—III, а не VII—I вв. до н. э., как пишет М. Х. Маннай-оол). К тому же «стиль» ни в каких произведениях искусства никогда не составляет «сюжета», тем более «основного».

Сводная таблица, предлагаемая М. Х. Маннай-оолом⁵⁶ (рис. 2), со всей очевидностью доказывает как раз обратное тому, что хочет доказать ее составитель, — она показывает, как четко выделяются тамгообразные фигуры древнетюркского времени среди всех прочих представленных в таблице изображений. Единственно, что «объединяет» все представленные в таблице изображения, — это то, что они изображают горных козлов (за исключением нескольких, показывающих горных баранов — архаров). Разностильность же и соответственно разновременность различных групп сомнений не вызывает. Заметим к тому же, что М. Х. Маннай-оол объединил воедино фигуры, показывающие животных в плоскостный профиль, и изображения, претендующие на объемность.

Нет ничего удивительного в том, что на одних и тех же скальных поверхностях часто расположены разновременные группы петроглифов⁵⁷. Это же можно сказать и о таких археологических памятниках Центральной Азии, как могильники, — известно, что многие могильники Тувы и ряда других центральноазиатских территорий включают погребения от эпохи бронзы до XVII—XIX вв. включительно.

Хочется еще раз напомнить, что во всех моих работах, где затрагивались петроглифы древнетюркского времени, так

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, рис. 1.

⁵⁷ Не составляет исключения из этого правила и наскальное святилище эпохи бронзы в урочище Мугур-Саргол в пределах Саянского каньона Енисея. См.: А. Д. Грач, *Итоги и перспективы археологических исследований в Туве*, стр. 55, рис. 9; А. А. Формозов, *Очерки по первобытному искусству*, стр. 113, 115 и сл., 206—210, рис. 36—37.

же как и в предложенной мной классификации, речь шла не о всех наскальных изображениях горного козла вообще, а о совершенно специфичных фигурах — тамгообразных фигурах типа Чуруктуг-Кырлан. А то обстоятельство, что наряду с изображениями древнетюркского времени на скалах присутствуют и изображения, относящиеся к другим историческим эпохам истории Центральной Азии, в том числе и более ранние изображения горного козла, никогда не вызывало у меня никаких сомнений. Однако оснований для выделения этих последних тогда было мало, очень мало их и сейчас.

Изображения горных козлов, относящиеся к эпохе бронзы и к скифскому времени, среди комплексов наскальных рисунков, безусловно, имеются, и вопрос о детальном их выделении стоит на повестке дня. Изображения горных козлов могли наноситься на скалы и в каменном веке. Все это, однако, никоим образом не исключает принадлежности совершенно определенной и чрезвычайно многочисленной группы тамгообразных изображений горного козла к такому периоду истории Центральной Азии, Южной Сибири и Средней Азии, как древнетюркское время.

В свете всех имеющихся материалов представляется совершенно очевидным, что попытка передатировки древнетюркских тамгообразных изображений горного козла оказалась несостоятельной. Необоснованное «изъятие» этих массовых и ценных памятников из пределов той исторической эпохи, к которой они в действительности относятся, нанесло бы большой вред делу изучения истории и культуры тюркских народов и, в частности, определению их ареала. Эти обстоятельства и побудили нас сравнительно подробно остановиться не только на достигнутых позитивных результатах изучения древнетюркских тамгообразных изображений горного козла, но и на попытке их передатировки.

В заключение — некоторые мысли о путях и перспективах изучения наскальных изображений. Сейчас есть все основания полагать, что в древнетюркское время на скалы помимо тамгообразных изображений горных козлов наносились и изображения других типов. Одна из главных задач состоит в том, чтобы выявить и классифицировать эти петроглифы. Исследование петроглифов, как и всякого другого вида археологических памятников, необходимо проводить, как и раньше, по двум линиям, — образно говоря, «по горизонтали» и «по вертикали». Рассмотрение «по горизонтали» предусматривает сопоставление памятников конкретного типа и конкретной историко-археологической зоны с синхронными объектами на других территориях, установление аналогий, датировки, свидетельств культурных и этнических связей в

данную историческую эпоху. Рассмотрение «по вертикали» предусматривает выявление традиций — связей с более древними памятниками и с памятниками более поздними — по возможности вплоть до этнографической современности.

Одной из актуальных задач исследований древнетюркской культуры является продолжение поисков петроглифов, картографирование на широких территориях их ареалов, обозначающих контуры этнических территорий древнетюркских племен, входивших в состав каганатов центрально- и среднеазиатских тюрков.